JEL: D72, E61, R58
УДК 332.14+338.26

<https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.3.007-023>

Политическая цена экономических ожиданий

П.А. Минакир

Минакир Павел Александрович

академик РАН, доктор экономических наук, профессор
научный руководитель

Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск,
680042, Российская Федерация
E-mail: minakir@ecrin.ru

ORCID: 0000-0002-5451-5662

Аннотация. Рассматривается взаимосвязь между ожиданиями от реализации новой экономической политики по отношению к Дальневосточному федеральному округу и изменением традиционного политического поведения в регионе. Показано, что демонстративная нарочитость исполнения юридических процедур является только поводом, запустившим процесс превращения политической инертности в гражданские протесты. Выдвигается гипотеза о том, что причиной такого превращения является накопление негативных экономических ожиданий. Рассмотрены тенденции формирования положительных экономических ожиданий относительно развития экономики, повышения уровня и улучшения качества жизни на Дальнем Востоке. Проанализированы экономические и институциональные параметры государственных программ и нормативных документов, определяющих интенсивность и направленность ожиданий населения и регулирующих органов. Показано, что параметры ожиданий этих агрегированных акторов разнонаправлены. Выявлены несоответствия программных и фактических индикаторов государственной программы в части макроэкономических (описывающих объективное изменение условий развития региона) и регуляторных (основанных на сводке «намерений»). Объяснено, почему удовлетворительные результаты в реализации регуляторных намерений не формируют отклик в форме ускорения экономической динамики, повышения уровня социально-экономического развития региона, роста качества жизни, закрепления населения. Делается предположение относительно того, что отсутствие формирования такого отклика генерирует трансформацию положительных ожиданий в негативные, что приводит при появлении локализованного в пространстве повода к кардинальной смене политической инерции на протестное поведение.

Ключевые слова: экономические ожидания, государственная программа развития, институциональные гавани, инвестиции, доходы населения, политическое поведение

Для цитирования: Минакир П.А. Политическая цена экономических ожиданий // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 3. С. 7–23. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.3.007-023>

Political Value of Expectations in Economy

P.A. Minakir

Pavel Aleksandrovich Minakir

Academician RAS, Doctor of Economics, Professor

Research Supervisor

Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhoookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russian Federation

E-mail: minakir@ecrin.ru

ORCID: 0000-0002-5451-5662

Abstract. The author regards the interconnection between the expectations from the implementation of a new economic policy as concerns the Far Eastern Federal District and changes in the traditional political behaviour in the region. It is shown that defiant deliberateness of executing legal procedures is only a trigger for turning the political inertia into civil protests. The hypothesis is made that the cause for such a transformation is the accumulated negative expectations. Tendencies for formation of positive economic expectations as concerns the economic development, improvement of the level and quality of life in Far Eastern Russia, are outlined. Economic and institutional parameters of state programs and regulatory documents have been analyzed that determine the intensity and vector in the expectations of the people and the regulatory authorities. It is demonstrated that the parameters of expectations of these aggregates are diverse. The discrepancies between the program and actual indicators of the state program as to macro economic (i.e. describing the unbiased change in the regional development conditions) and regulatory (based on a list of 'intentions'), are revealed. It is explained why satisfactory effects in the implementation of regulatory intentions do not generate the response in shape of accelerating economy dynamics, improving the socio-economic development of the region, growth of the quality of life and actual resident population stability. The assumption is made that a lack of formation of such a response is generating the transformation of positive expectations into negative ones that leads to the emergence of the spatially localized ground for a cardinal change from political inertia to protest behavior.

Keywords: economic expectations, state program of development, institutional havens, investments, personal income, political behavior

For citation: Minakir P.A. Political Value of Expectations in Economy. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2020, vol. 16, no. 3, pp. 7–23. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.3.007-023> (In Russian).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЖИДАНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Превратившаяся с начала июля в один из наиболее обсуждаемых и будоражающих общественное сознание и в России, и за ее пределами политическая турбулентность в Хабаровске имеет совершенно очевидный, лежащий на поверхности повод – неуклюжее, если не сказать халатное, исполнение формально рутинной юридической процедуры. Эта халатность, коренящаяся в убеждении о незыблемости традиционного консерватизма и полити-

ческой инфантильности хабаровского социума, неожиданно запустила процесс превращения политической инертности в гражданские протесты, хотя инфантильность осталась их главным эмоциональным фоном.

Определение причин того, почему стала возможной подобная неуклюжесть, как и разбор того, является ли это просто досадным срывом технологии или же системной ошибкой, не входит в нашу задачу, тем более что на эту тему за прошедшие полтора месяца (на момент написания этих заметок) уже очень много написано и сказано. Основные выводы политологов и социологов суммируются в очень немногих положениях (убежденность в инертности публики, усталость этой публики от неисполняемых обещаний, возмущение от отсутствия реакции власти, накопленные претензии к федеральному центру, убежденность в мести краю за «неправильный выбор» губернатора в 2018 г., появление вкуса к политической жизни после выборов 2018 г., наивная вера в готовность «хорошего» губернатора заботиться о людях, а не о своем имидже в глазах власти и т. п.) (см., напр., Корк, 2020).

Все вышеперечисленное, и наверняка многое другое, вполне или отчасти верно. Но ведь и на других территориях существуют такие же или аналогичные проблемы и настроения, периодически случаются громкие скандалы местного и даже федерального звучания. Но такого выброса активно-долгоиграющего протеста не случилось. Тем более важно попытаться понять, каковы фундаментальные причины случившейся конвертации возмущения показательно-пренебрежительными действиями по отношению к избранному высшему должностному лицу на территории в бурный гражданский протест.

Ведь наивно объяснять происходящее «народной любовью» или особыми заслугами перед жителями края, достигнутыми за прошедшие неполные два года после избрания. Да, губернатор старался решить некоторые реальные задачи, выстраивал на современный лад коммуникации с молодежью, метал громы и молнии в адрес чиновников, при нем реализовывались программы и проекты (большая часть которых была запущена ранее) (Корк, 2020). Делалось то, что должно было делаться. Ничего сверхъестественного. Но ведь и невозможно было ожидать большего в условиях чрезвычайно узкого коридора возможностей, высокой долговой нагрузки. Прорыва не случилось и случиться не могло. Практически в распоряжении края был один год – 2019. Со второго квартала года нынешнего экономика замерла, и не только в крае.

Следовательно, дело не в заслугах губернатора. Все проще и сложнее одновременно. Вряд ли следует подробно обосновывать тезис о том, что в основе политической турбулентности лежат, как правило, экономические неурядицы, проявляющиеся, прямо или косвенно, как изменение массового поведения. Такое изменение происходит не сразу, а по мере накопления

негативных экономических ожиданий. Но простого накопления негативных ожиданий, порождающих разочарование, раздражение, неверие, подозрительность, недостаточно. В общем случае существуют два типа негативных ожиданий.

Во-первых, связанные с общим негативным фоном динамики экономики и уровня жизни в общенациональном масштабе, которые накапливаются в течение длительного времени (в случае России как минимум последние 10–12 лет). Этот фон порождается типичными для всех регионов и коренящимися в общих негативных тенденциях организации и управления экономической жизнью проблемами, порожденными во многом самим общественным договором, который определяет и экономическое, и в целом общественное поведение.

Во-вторых, ожидания, пространственно локализованные, генерируемые эксклюзивными обещаниями переломить общий негативный фон в конкретном месте (регионе), тем более в пределах определенного периода времени. Нереализуемость такого рода обещаний постепенно превращает положительные ожидания в отрицательные. После такого превращения достаточно любого формального повода для того, чтобы возникла угроза денонсации общественного договора именно в этой точке пространства, что и приводит к смене типа поведения.

Именно так выглядит ситуация в случае Хабаровска. Потенциал протеста (смены типов поведения) пропорционален величине разрыва между длительным временем формировавшимся положительными и в итоге сформированными отрицательными ожиданиями. Этот потенциал велик в целом по регионам Дальнего Востока (за исключением Забайкалья, которое лишь 1,5 года назад «стало в очередь» за обещанным процветанием). Но именно в Хабаровске был по неосторожности спущен «курок», запустивший процесс превращения скрытого разрыва экономических ожиданий в открытый гражданский протест.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ

К 2013 г., когда экономическое и социальное развитие Дальнего Востока было объявлено национальным приоритетом на весь XXI в. (Послание..., 2013), насчитывалось уже несколько государственных программ, посвященных этому развитию¹. Результаты их реализации не оказали решающего воздействия на структуру, масштабы и эффективность экономики. Но, главное, они не изменили положения региона как «замыкающего» элемента системы приоритетов для населения и бизнеса. Именно поэтому декларация о «на-

¹ Программы 1987, 1996, 2002, 2004, 2007, 2013 гг.

циональном приоритете» была воспринята с энтузиазмом, превратившим отрицательные экономические и социальные ожидания в регионе в положительные. Убеждение дальневосточников в том, что настал «поворотный момент», укрепилось после того, как 15 апреля 2014 г. была утверждена новая редакция программы развития (впоследствии неоднократно редактировавшаяся) (Об утверждении государственной..., 2014).

По сути это была пролонгированная до 2025 г. действовавшая уже на тот момент программа развития региона на период до 2018 г. (ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года» с дополнениями в виде ФЦП социально-экономического развития Курильских островов на 2007–2015 и 2016–2025 гг.). Если бы все ограничивалось неизменно повторявшимися во всех программах с 1987 по 2013 г. и потому ставшими банальными лозунгами «повышение уровня социально-экономического развития», «закрепление населения», «повышение качества жизни», которые, в конечном счете, опять были сформулированы в виде целей в последней версии упомянутой программы, то никаких публичных ожиданий положительного свойства в итоге бы не сформировалось. Но в первой версии программы 2014 г. появилась важная «свежая» черта – указание на новую политику по отношению к региону, декларация того, как именно будут реализовываться ставшие за долгие годы дежурными обещания.

Это «свежее дыхание» было усмотрено в широко разрекламированных и снабженных обильными ссылками на «зарубежный опыт» новыми инструментами экономической политики. Было представлено два основных таких инструмента: а) формирование территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) с благоприятными условиями для привлечения инвестиций; б) развитие центров экономического роста субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа. Именно ТОСЭР являлись конституирующим признаком «новой модели социально-экономического развития Дальнего Востока», которая по определению, данному в самой программе, «основана на экспорте в страны Азиатско-Тихоокеанского региона готовых товаров (работ, услуг), производимых на территории Дальневосточного федерального округа, создании конкурентоспособного инвестиционного климата, привлечении прямых инвестиций, в том числе иностранных, росте деловой активности, развитии малого и среднего предпринимательства, создании конкурентоспособных территорий опережающего развития» (Об утверждении государственной..., 2014).

Эти инструменты должны были обеспечить привлечение инвестиционных и трудовых ресурсов в ДФО, а также ускоренное экономическое развитие Дальневосточного федерального округа. Конечно, ничего нового в этих

декларациях не было. Начиная с 1990 г. многократно описывались и предлагались для опробования и внедрения различные конструкции, реализующие теоретические модели пространственной поляризации и институционального стимулирования в приложении Дальнего Востока (см., напр., Минакир, 2017). Предпринимались и попытки создания различного рода «институциональных гаваней». Однако впервые некоторая версия этих предложений предстала как ключевой компонент государственной программы развития региона, который был объявлен универсальным инструментом улучшения качества жизни и экономического развития на основе масштабного наращивания инвестиционных ресурсов.

Кроме собственно Государственной программы до 2025 г. ряд мероприятий, направленных на развитие региона, был предусмотрен еще в 28 «дальневосточных» разделах различных отраслевых программ, в которых только в 2018–2021 гг. было обещано выделение (по оценке Счетной палаты РФ) 1,3 трлн руб. из федерального бюджета. В итоге весь набор документов и мероприятий (*табл. 1*), составлявших в совокупности «новую экономическую политику», производил действительно фундаментальное впечатление и не мог не вызвать формально вполне обоснованных надежд. Тем более, что ряд из приведенных в таблице обещаний и решений не просто продеklarированы, но реально и с агрессивным пиаром реализуются, что еще более усиливало эффект ожиданий.

За обилием регуляторных решений, правда, «прячется» чрезвычайно скромное финансирование из федерального бюджета. В 2014–2019 гг. на реализацию собственно государственной программы развития региона было выделено 165 млрд руб. Для сравнения – трансферт из федерального бюджета для поддержки дефицитных бюджетов дальневосточных регионов (а дефицитны бюджеты всех дальневосточных субъектов РФ, кроме Сахалинской области) в 2019 г. составил 100 млрд руб. Таким образом, федеральные затраты на развитие региона в среднем за прошедшие шесть лет реализации программы ежегодно составляли порядка 3% реальных расходов. Конечно, никакого серьезного влияния на общий уровень и качество жизни в регионе такие масштабы затрат оказать и не могли. Упомянутые выше затраты по отраслевым программам сами по себе тоже не могут кардинально изменить ситуацию, тем более за короткое время. Даже если упомянутая выше цифра в 1,3 трлн руб. верна, то в расчете на год это составляет примерно 30–35% совокупных бюджетных расходов по ДФО, большая часть которых предназначена для производственно-инфраструктурных проектов, непосредственно не дающих быстрой отдачи ни в уровне, ни в качестве жизни, а также для ликвидации уж совсем вопиющих провалов и разрухи в области социальной и коммунальной среды.

Таблица 1

**Меры государственной поддержки
социально-экономического развития ДФО**

Table 1

State support of the Far Eastern Federal District's socio-economic development

Системный документ и / или мероприятие	Нормативно-правовой утверждающий акт	Мероприятия, цели и направления
1	2	3
<i>Общесфункциональные мероприятия и решения</i>		
Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»	<p>Об утверждении Государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 308</p> <p>О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 29.03.2019 г. № 361 (об изменении названия Государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа»)</p>	<p>1) Создание и развитие ТОСЭР, конкурентоспособных по условиям ведения бизнеса с ключевыми центрами в АТР;</p> <p>2) развитие свободного порта Владивосток;</p> <p>3) поддержка инвестиционных проектов, практическая реализация которых значима для развития ДФО;</p> <p>4) обеспечение деятельности институтов развития ДФО;</p> <p>5) мониторинг достижения показателей эффективности реализации мероприятий долгосрочного плана развития г. Комсомольска-на-Амуре;</p> <p>6) создание необходимых условий для предоставления земельных участков площадью 1 га гражданам РФ в безвозмездное пользование на территории ДФО в целях стимулирования предпринимательской и иной деятельности;</p> <p>7) реализация мероприятий планов социального развития центров экономического роста дальневосточных субъектов РФ</p>
<i>Предпринимательская деятельность</i>		
Территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР)	О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: федеральный закон РФ от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ (Ст. 3)	<p>Создаются на 70 лет. Постановление Правительства РФ содержит:</p> <p>1) перечень видов экономической деятельности, при осуществлении которых действует особый правовой режим предпринимательской деятельности*;</p> <p>2) минимальный объем капитальных вложений резидентов ТОСЭР;</p> <p>3) положение о применении или неприменении таможенной процедуры свободной таможенной зоны в соответствии с правом Евразийского экономического союза и законодательством Российской Федерации;</p> <p>4) описание местоположения границ ТОСЭР</p>

* Перечень видов экономической деятельности разрабатывается для каждой ТОСЭР и включается приложением в постановление Правительства РФ о создании конкретной ТОСЭР. Так, например, для ТОСЭР «Хабаровск» (постановление Правительства РФ от 24.06.2015 г. № 630) перечень основных видов хозяйственной деятельности, для которых действует особый правовой режим, содержит 56 наименований, в том числе таких «экзотических» для Хабаровского края, как «производство табачных изделий», «производство кожи и изделий из кожи».

1	2	3
Свободный порт Владивосток (СПВ)	О свободном порте Владивосток: федеральный закон РФ от 13.07.2015 г. № 212-ФЗ	Территория, которая пользуется особыми режимами таможенного, налогового и административного регулирования. Создается на 70 лет
Специальный административный район (САР) (о. Русский)	О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края: федеральный закон РФ от 03.08.2018 г. № 291-ФЗ	Территория с гибким режимом налогового и валютного регулирования для компаний, принявших решение о переводе из иностранной юрисдикции в российскую. Цели – формирование благоприятных финансовых и административных условий для развития бизнеса; привлечение капиталов в РФ; деофшоризация экономики РФ; инфраструктурное развитие территории
Субсидирование энерготарифов	<p>Об электроэнергетике: федеральный закон РФ от 26.03.2003 г. № 35-ФЗ</p> <p>О достижении на территориях Дальневосточного федерального округа базовых уровней цен (тарифов) на электрическую энергию (мощность): постановление Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 895</p> <p>Об установлении на 2017 г. базового уровня цен (тарифов) на электрическую энергию (мощность) для субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа: распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1615-р</p> <p>Об определении субъекта оптового рынка – производителя электрической энергии (мощности), к цене на мощность которого применяется надбавка к цене за мощность: распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1614-р</p>	Введение для Якутии, Чукотки, Камчатского края, Магаданской и Сахалинской областей механизма выравнивания энерготарифов до среднероссийского уровня с субсидированием за счет надбавки к ценам на мощность потребителей оптового энергорынка европейской части России, Урала и Сибири. Механизм действует до конца 2020 г., обсуждается продление до 2028 г.

1	2	3
<i>Население и социальное развитие</i>		
Дальневосточный гектар	Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон РФ от 01.05.2016 г. № 119-ФЗ	Безвозмездное получение 1 га земли, по истечении 5 лет можно оформить в собственность или долгосрочную аренду. Меры поддержки – гранты на развитие, возмещение части затрат на приобретение техники и оборудования и уплату процентов, льготное кредитование, социальные выплаты
Дальневосточная ипотека	Об утверждении условий программы «Дальневосточная ипотека» и внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2015 г. № 1713-р: постановление Правительства РФ от 07.12.2019 г. № 1609	Программа льготного кредитования для молодых семей на Дальнем Востоке и получателей земли по программе «Дальневосточный гектар» для ИЖС. Ставка – 2% годовых, максимальный размер кредита – до 6 млн руб., срок ипотеки – до 20 лет
Субсидирование авиаперевозок на Дальний Восток Переезд на Дальний Восток (не только для дальневосточников)	О внесении изменений в Правила предоставления субсидий из федерального бюджета организациям воздушного транспорта в целях обеспечения доступности воздушных перевозок населению: постановление Правительства РФ от 18.11.2019 г. № 1466	Субсидирование стоимости авиабилетов Компенсация переезда и подъемные для граждан РФ; компенсация переезда и подъемные для участников программы возвращения соотечественников; компенсация переезда и подъемные по программе «Земский доктор»
<i>Создание институтов развития</i>		
АО «Корпорация развития Дальнего Востока», АНО «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке», АНО «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта»	О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: федеральный закон РФ от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ (Ст. 32)	Коммерческие и некоммерческие организации (институты развития), обеспечивающие: 1) финансирование и поддержку проектов, реализуемых на ТОСЭР, а также поддержку иных социально ориентированных проектов, в том числе в агропромышленной сфере; 2) привлечение резидентов ТОСЭР, прямых инвестиций; 3) развитие человеческого капитала и содействие обеспечению трудовыми ресурсами резидентов ТОСЭР

Последнее, конечно, улучшает наблюдаемую социальную ситуацию, но только в смысле выравнивания условий (некоторого), а отнюдь не ожидаемого рывка в социальном и гуманитарном плане. Да и выравнивание тоже не может произойти «здесь и сейчас». На это требуется время. Но ведь никто не акцентировал внимания на временных аспектах обещаний, ожидания формировались, исходя из принципа «здесь и сейчас».

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ РАЗОЧАРОВАНИЙ

К концу 2018 г., после пяти лет ожидания обещанных кардинальных изменений в экономике и социальной среде, политологи должны были бы предвидеть накопление усталости от ожидания обещанных и никак не наступающих перемен. Предвидеть это было несложно, так как даже формальные результаты выполнения зафиксированных в программе намерений не внушали большого оптимизма (табл. 2).

Таблица 2

**Соотношение программных и фактических индикаторов
Государственной программы социально-экономического развития Дальнего Востока
и Байкальского региона (без Иркутской области)**

Table 2

**Correlation between programmed and actual indicators
of the State Program of socio-economic development of the Far East
and the Baikal region (less Irkutskaya oblast)**

Показатель	2019		2025
	программа	факт	программа
Валовой региональный продукт, %*	109,9	106,6	137,8
Инвестиции в основной капитал, %*	105,1	89,2	123,4
Численность населения, тыс. чел.***	9836	8169,2	10 150
Новые рабочие места, тыс. ед.	25,4	...	98,1
в т. ч. высокопроизводительных	5,21	...	18,26
Прирост протяженности автодорог, км	763,3	...	—
Реконструкция аэропортов, ед.	17	15	—
Создание ТОСЭР, ед.	17	20	21
Накопленные инвестиции в ТОСЭР, млрд руб.	476,7	1204,4***	1544,8
Количество рабочих мест в ТОСЭР и СПВ, тыс. ед.	22,0	39,4***	74,8
Увеличение грузооборота БАМа и Транссиба, млрд т-км в год	520,5	294,0**	—

Примечания. * ДФО в границах на 1.01.2019 г., 2012 г. = 100%; ** включая данные по Сахалину; *** по данным Корпорации развития Дальнего Востока. URL: <https://erdc.ru/about/> (дата обращения: март 2020).

Источник: составлено по: Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308; Российский..., 2019; Валовой..., 2019.

Бросается в глаза различие соответствия программных и фактических индикаторов, которые отражают макроэкономические (описывающие объективное изменение условий развития региона) и регуляторные (основанные на сводке «намерений») аспекты программы. Последние выглядят вполне оптимистично. Но это никак не отражается в общей картине экономической динамики, повышения уровня социально-экономического развития региона, роста качества жизни, закрепления населения в нем.

На ускорение темпов экономического развития по сравнению со средними по национальной экономике направлены существенные бюджетные средства и еще большие институциональные ресурсы. Однако пока никаких результатов (рис. 1). Можно, конечно, говорить, что темпы роста прямого отношения к уровню и качеству жизни населения не имеют. Но нельзя не согласиться, что они все-таки отражают динамику уровня экономической активности и потенциал наращивания доходов. Поэтому следят за ними отнюдь не одни только макроэкономисты. Практически никаких изменений в соотносительных трендах региона и страны не наблюдается, несмотря на громкие реляции о количестве резидентов в ТОСЭР и накопленных ими инвестициях. Ножницы темпов не выглядят очень устойчивыми.

Рис. 1. Динамика ВВП / ВРП, %, 2012 = 100

Fig. 1. Gross Domestic Product / Gross Regional Product, % against 2012

Источник: рассчитано по: Российский..., 2019.

Это же можно сказать и про инвестиции в основной капитал, слабая динамика которых (рис. 2) вполне отчетливо коррелирует с ножницами в темпах роста валовой добавленной стоимости. И это несмотря на то, что стимулирование инвестиционной деятельности является едва ли не важнейшим элементом новой экономической политики по отношению к Дальнему Востоку. Динамика инвестиций показывает, что меры по стимулированию инвестиционной активности, введенные для того, чтобы переломить ситу-

ацию и решительно увеличить поток инвестиций в дальневосточные проекты и в целом в экономику региона, пока обусловили только концентрацию сохраняющегося стабильным инвестиционного потока в зонах действия мер стимулирования ТОСЭР и СПВ. То есть инвестиционная динамика в целом показывает пока устойчивую инвариантность по отношению к мерам инвестиционного стимулирования.

Рис. 2. Динамика инвестиций в основной капитал, %, 2012 = 100

Fig. 2. Dynamics of investment in fixed capital, % against 2012

Источник: рассчитано по: Российский..., 2019.

Отставание в уровне и качестве жизни населения тоже не преодолевается. Отток населения из региона продолжается и после 2015 г. (рис. 3), демонстрируя, что вышеуказанные косвенные меры по субсидированию и поощрению предпринимательства воспринимаются как частичный «возврат социальных долгов», но не в состоянии скорректировать миграционное поведение населения ни на самом Дальнем Востоке, ни в других регионах страны.

Рис. 3. Коэффициент миграционного прироста (число мигрантов на 10 тыс. чел. общего населения)

Fig. 3. Migration growth (number of migrants per 1 thou general population)

Источник: рассчитано по: Регионы..., 2019; Социально-экономическое..., 2019.

Меры, направленные на привлечение инвестиций и поддержание высокой экономической активности, которые должны были бы привести к росту спроса на труд и увеличению притока мигрантов, не дают ожидаемого результата. Отток населения стабильно превышает его приток из других регионов. Миграционное, и в целом демографическое, поведение остается инвариантным по отношению к предпринимаемым усилиям регулятора. А следовательно, последние воспринимаются как невыполненные обещания.

Альтернативные доходы для дальневосточников остаются высокими, а альтернативные расходы низкими, не говоря уже о соотношении качественных параметров социальной инфраструктуры. Наиболее заметными и болезненными являются ножницы в росте реальных доходов между Дальним Востоком и другими регионами страны (рис. 4). Начав формироваться в конце 1990-х гг., разрыв в динамике реальной оплаты труда даже после 2015 г. не только не преодолен, но и продолжает увеличиваться (если в 2015 г. разрыв в темпах роста по отношению к 1995 г. составлял 57,2 п. п., то в 2019 г. уже 85,1 п. п.).

Рис. 4. Сравнительная динамика индексов реальной оплаты труда (РФ – ДФО), п. п. (1995 = 100)

Fig. 4. Comparative dynamics of real wages indices (RF – Far Eastern Federal Okrug), % against 1995

Источник: рассчитано по: Регионы..., 2019; Социально-экономическое..., 2019.

Этот разрыв практически уничтожил существовавшее в советское время превышение уровня доходов дальневосточников над средними по стране, что являлось одним из важнейших факторов, нивелировавших сравнительно низкое качество жизни. К настоящему времени некоторое превышение

номинальных доходов наблюдается только для северных территорий региона, но и для них это превышение практически уничтожается более высоким уровнем потребительских цен и тарифов на услуги.

На старте «новой восточной экономической политики» и у федерального центра, и у самих дальневосточников сформировались высокие положительные ожидания, основанные не столько на знании, сколько на вере в быстрое претворение сформулированной политики и предпринимаемых для ее реализации мер в трансформацию экономических трендов, социальных условий и социально-экономического поведения. К 2019 г. положительные ожидания, основанные на уверенности в верности выбранного пути, остались лишь у федерального центра. У дальневосточников ожидания сменили знак. Возможность и причины такого расхождения оценок неоднократно описывались (см., напр., Российский..., 2017). Но это не предохранило от ставшего очевидным уже в 2018 г. принципиального несовпадения восприятия соотношения обещаний и их выполнения. Именно это несовпадение, вероятно, стало краеугольным камнем смены знака ожиданий населения. Гипертрофированное внимание к формированию положительных откликов на конструируемую экономическую политику для федерального центра при пренебрежении отрицательными откликами со стороны населения обернулись политической турбулентностью и в 2018, и в 2020 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валовой внутренний продукт (индексы физического объема, в % к предыдущему году) / ФСГС. 2019. URL: [https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab3\(1\).htm](https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab3(1).htm) (дата обращения: июнь 2020).
- Корк Б. Фургал: причина или повод? // Эксперт. № 30 (1171). 2020. 20 июля. URL: <https://expert.ru/expert/2020/30/furgal-prichina-ili-povod/> (дата обращения: июль 2020).
- Минакир П.А. Дальний Восток и Забайкалье накануне реформы: концепция вхождения в рынок // Пространственная экономика. 2017. № 1. С. 11–48. <https://doi.org/10.14530/se.2017.1.011-048>
- О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 29.03.2019 г. № 361 (об изменении названия Государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа»). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72116576/> (дата обращения: июль 2020).
- О внесении изменений в Правила предоставления субсидий из федерального бюджета организациям воздушного транспорта в целях обеспечения доступности воздушных перевозок населению: постановление Правительства РФ от 18.11.2019 г. № 1466. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_337757/ (дата обращения: июль 2020).
- О достижении на территориях Дальневосточного федерального округа базо-

- вых уровней цен (тарифов) на электрическую энергию (мощность): постановление Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 895. URL: <http://base.garant.ru/71734932/#ixzz6WILbx2bg> (дата обращения: июнь 2020).
- О свободном порте Владивосток: федеральный закон РФ от 13.07.2015 г. № 212-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (дата обращения: июль 2020).
- О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края: федеральный закон РФ от 03.08.2018 г. № 291-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/72005528/> (дата обращения: июнь 2020).
- О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: федеральный закон РФ от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ (Ст. 32). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: июль 2020).
- Об определении субъекта оптового рынка – производителя электрической энергии (мощности), к цене на мощность которого применяется надбавка к цене за мощность: распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1614-р. URL: <https://rulaws.ru/government/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-28.07.2017-N-1614-r/> (дата обращения: июнь 2020).
- Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон РФ от 01.05.2016 г. № 119-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата обращения: июль 2020).
- Об установлении на 2017 г. базового уровня цен (тарифов) на электрическую энергию (мощность) для субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа: распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1615-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634632/> (дата обращения: июнь 2020).
- Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 308. URL: <http://base.garant.ru/70644078/> (дата обращения: июль 2020).
- Об утверждении условий программы «Дальневосточная ипотека» и внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2015 г. № 1713-р: постановление Правительства РФ от 07.12.2019 г. № 1609. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912100013> (дата обращения: июнь 2020).
- Об электроэнергетике: федеральный закон РФ от 26.03.2003 г. № 35-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41502/ (дата обращения: июль 2020).
- Послание Президента РФ Федеральному Собранию. 12 декабря 2013 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: август 2020).
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010–2019 / Росстат. 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: июнь 2020).
- Российский Дальний Восток на пути в будущее / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 395 с.
- Российский статистический ежегодник – 2019 / ФСГС. 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_13/Main.htm (дата обращения: июль 2020).
- Социально-экономическое положение федеральных округов – 2019 г. / ФСГС. 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_20/Main.htm (дата обращения: июнь 2020).

REFERENCES

- Gross Domestic Product*. Federal State Statistics Service, 2019. Available at: [https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab3\(1\).htm](https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab3(1).htm) (accessed June 2020). (In Russian).
- Kork B. Furgal. Cause or Occasion? *Ekspert* [Expert], no. 30 (1171), 2020, 20 July. Available at: <https://expert.ru/expert/2020/30/furgal-prichina-ili-povod/> (accessed July 2020). (In Russian).
- Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. 12 December, 2013*. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (accessed August 2020). (In Russian).
- Minakir P.A. Russian Far East and Baikal Region on the Eve of Reform: A Concept of Transition to Market. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2017, no. 1, pp. 11–48. <https://doi.org/10.14530/se.2017.1.011-048> (In Russian).
- On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation: Resolution of the Government of the Russian Federation of 29 March, 2019 No. 361 (On Changing the Name of the State Program of the Russian Federation 'Socio-Economic Development of the Far Eastern Federal District')*. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72116576/> (accessed June 2020). (In Russian).
- On Amendments to the Rules for Granting Subsidies from the Federal Budget to Air Transport Organizations in Order to Ensure the Availability of Air Transport to the Population: Decree of the Government of the Russian Federation of 18 November, 2019 No. 1466*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_337757/ (accessed July 2020). (In Russian).
- On Approval of the State Program of the Russian Federation 'Socio-Economic Development of the Far East and the Baikal Region': Resolution of the Government of the Russian Federation of 15 April, 2014 No. 308*. Available at: <http://base.garant.ru/70644078/> (accessed July 2020). (In Russian).
- On Approval of the Terms of the Far Eastern Mortgage Program and Amendments to the Order of the Government of the Russian Federation of 02 September, 2015 No. 1713-R: Decree of the Government of the Russian Federation of 07 December 2019, No. 1609*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912100013> (accessed June 2020). (In Russian).
- On Definition of the Subject of the Wholesale Market of Electric Energy (Capacity) which is Applied a Surcharge to the Price for Power: The Decree of the RF Government from 28 July, 2017 No. 1614-R*. Available at: <https://rulings.ru/government/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-28.07.2017-N-1614-r/> (accessed June 2020). (In Russian).
- On Electric Power Industry: Federal Law of the Russian Federation of 26 March, 2003 No. 35-FZ*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41502/ (accessed July 2020). (In Russian).
- On Reaching the Basic Levels of Prices (Tariffs) for Electric Energy (Capacity) in the Territories of the far Eastern Federal District): Decree of the Government of the Russian Federation of 28 July, 2017 No. 895*. Available at: <http://base.garant.ru/71734932/#ixzz6WILbx2bg> (accessed June 2020). (In Russian).
- On Setting the Basic Level of Prices (Tariffs) For Electric Energy (Capacity) for the Subjects of the Russian Federation that are Part of the far Eastern Federal District for 2017: Decree of the Government of the Russian Federation of 28 July, 2017 No. 1615-R*. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634632/> (accessed June 2020). (In Russian).
- On Special Administrative Regions in the Territories of the Kaliningrad Region and Primorsky Territory: Federal Law of the Russian Federation of 03 August, 2018*

- No. 291-FZ. Available at: <https://base.garant.ru/72005528/> (accessed June 2020). (In Russian).
- On Territories of Advanced Socio-Economic Development in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 29 December, 2014 No. 473-FZ (Article 32).* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (accessed July 2020). (In Russian).
- On the Free Port of Vladivostok: Federal Law of the Russian Federation of 13 July, 2015 No. 212-FZ.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (accessed July 2020). (In Russian).
- On the Specifics of Granting Citizens Land Plots that are in State or Municipal Ownership and Located on the Territories of Subjects of the Russian Federation that are Part of the Far Eastern Federal District, and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 01 May 2016, No. 119-FZ.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (accessed July 2020). (In Russian).
- Russian Statistical Yearbook 2019.* Federal State Statistics Service, 2019. Available at: https://gks.ru/bgd/regl/b19_13/Main.htm (accessed July 2020). (In Russian).
- Socio-Economic Situation of Federal Districts in 2019.* Federal State Statistics Service, 2019. Available at: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_20/Main.htm (accessed June 2020). (In Russian).
- The Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2010–2019.* Rosstat, 2020. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed June 2020). (In Russian).
- The Russian Far East: On the Way to Future.* Edited by P.A. Minakir. Economic Research Institute FEB RAS. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 2017, 395 p. (In Russian).

Поступила в редакцию / Submitted: 10.08.2020

Принята к публикации / Revised: 01.09.2020

Опубликована online / Published online: 30.09.2020